

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.8.22>

Зволев Николай Павлович

[Возвращение homo politicus в условиях неолиберальной правительности](#)

Цель исследования - проанализировать возвращение популизма в странах либеральной демократии с точки зрения концепции неолиберальной правительности, разработанной Мишелем Фуко. В статье показывается, как неолиберализм смог гегемонизировать дискурсивное поле политики через рационализацию своей власти, посредством применения экономического анализа к различным формам социальных отношений. Этот анализ одновременно исследовал человека как человека экономического и конструировал его таким. Вместе с тем набор теоретических моделей не исчерпывается лишь homo oeconomicus. Научная новизна статьи состоит в рассмотрении популизма через призму концепции правительности, что позволяет выявить политические причины современного роста популизма. В результате исследование показывает, что неолиберальная правительность, игнорировавшая другие теоретические модели, привела к запросу на публичное обращение именно к ним, и в первую очередь к политической модели человека, который был удовлетворен правыми популистами.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/8/22.html

Источник

[Манускрипт](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 8. С. 127-130. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/8/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.8.22>

Дата поступления рукописи: 30.06.2020

Цель исследования – проанализировать возвращение популизма в странах либеральной демократии с точки зрения концепции неолиберальной правительности, разработанной Мишелем Фуко. В статье показывается, как неолиберализм смог гегемонизировать дискурсивное поле политики через рационализацию своей власти, посредством применения экономического анализа к различным формам социальных отношений. Этот анализ одновременно исследовал человека как человека экономического и конструировал его таким. Вместе с тем набор теоретических моделей не исчерпывается лишь *homo oeconomicus*. **Научная новизна** статьи состоит в рассмотрении популизма через призму концепции правительности, что позволяет выявить политические причины современного роста популизма. **В результате** исследование показывает, что неолиберальная правительность, игнорировавшая другие теоретические модели, привела к запросу на публичное обращение именно к ним, и в первую очередь к политической модели человека, который был удовлетворен правыми популистами.

Ключевые слова и фразы: homo oeconomicus; homo politicus; Фуко; правительность; неолиберализм; популизм.

Зволев Николай Павлович

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва
gilein@yandex.ru

Возвращение *homo politicus* в условиях неолиберальной правительности

Актуальность темы статьи определяется самим объектом исследования, то есть ростом популизма в странах либеральной демократии. Сегодня среди вариантов объяснения этого феномена выделяют экономические или культурные причины, которые так или иначе связаны с процессом глобализации. Вместе с тем специфика данного феномена требует более пристального внимания к непосредственно политическим причинам происходящего. В логике этого взгляда популизм является ответом не на глобализацию саму по себе, но на практики государственного управления, распространившиеся в странах либеральной демократии в конце XX века. Эти практики трансформировали представления общества о самом себе и о своем отношении к государству.

Многие обществоведы заметили, что в период распространения этих практик политическая жизнь в обществах либеральной демократии стала затухать. Массив литературы, посвященный процессу деполитизации общества, постепенно выкристаллизовывался в отдельные концепты – ПОСТ-ДЕМОКРАТИЯ [8], ПОСТ-ПОЛИТИКА [16], ДЕ-ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ [6], ДЕФИЦИТ ДЕМОКРАТИИ [15]. На фоне этих процессов британским правым популистам и президенту США Дональду Трампу удалось реполитизировать общество под лозунгами «возвращения контроля» [11, р. 200] или «возвращения власти народу» [13]. Красной нитью, сшивающей эти концепты в единое теоретическое полотно, является представление о неолиберализме как о некоей матрице политической жизни общества, институционализирующей те самые деполитизирующие практики управления, создавшие в наши дни запрос на популистскую риторику.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие **задачи**: во-первых, описать концепцию правительности Мишеля Фуко и его видение истории неолиберализма; во-вторых, обозначить роль *homo oeconomicus* в концепции неолиберальной правительности; в-третьих, выявить связь между гегемонией *homo oeconomicus* и ростом правого популизма.

Основным **методом исследования** выступает возвратный анализ, поскольку, с одной стороны, необходимо вычленив из концепции правительности Фуко ключевые элементы, а с другой стороны, использовать их для осмысления современной политической ситуации.

Теоретической базой публикации является концепция правительности Мишеля Фуко, изложенная как в его работе [5], так и реконструируемая в работах исследователей его творческого наследия М. Дина [2] и Т. Лемке [14], а также работа В. Браун [7], которая анализирует современные практики неолиберализма через призму данной концепции.

Практическая значимость работы заключается в разработке философско-политического понимания причин современного популизма, позволяющего более полно описать данный феномен. Такое понимание открывает новые стратегии интерпретации и может быть полезно для политологов, социологов, философов, изучающих феномен популизма.

В лекциях «Рождение биополитики» от 1978-1979 гг. Мишель Фуко описывает формирование новой формы правительности – неолиберализма. Принимая во внимание лекционный характер данной работы, и для более точного описания этой концепции следует обратиться к исследователям его научного наследия. Так, согласно Митчеллу Дину правительность – это то, «как мы думаем об управлении другими и собой в широком круге контекстов» [2, с. 536]. Но правительность не является лишь отвлеченным теоретическим знанием, мышление о политической рациональности идет рука об руку с практикой власти, ее техниками. Как поясняет Томас Лемке, «правительность структурирует специфические формы интервенций. Потому что политическая рациональность – это не строгое нейтральное знание, которое просто “репрезентирует” правящую реальность, но она сама конституирует интеллектуальную обработку реальности, с которой можно работать через политические технологии» [14, р. 191]. Таким образом, правительность совмещает как разработку теоретического уровня представления об управлении поведением других, так и санкционирование определенных действий и риторик на практике. Наконец, третьей гранью правительности является формирование субъекта с помощью режимов управления.

Однако и здесь следует уточнить, что формирование – это не односторонний процесс муштры или штамповки идентичности, но «это всегда шаткое равновесие, при котором техники, обеспечивающие принуждение, и процессы конструирования или преобразования себя дополняют и отрицают друг друга» [4, с. 72]. Все три уровня правительности – политическая рациональность, техники управления и формирование субъекта – представляют собой нераздельный комплекс. Теперь обратимся непосредственно к самим лекциям Фуко, в которых он показывает особенности неолиберальной правительности и как она формирует своего субъекта.

Свою историю неолиберализм ведет с предвоенного времени, когда в 1930-х годах стало очевидно, что само наличие парламентской демократии не защищает государство и народы от погружения в авторитаризм и тоталитаризм. Такие демократии, пришедшие после Первой мировой войны на смену империям в европейских странах, оказались уязвимы перед соблазнами тотального коллективизма и государственного патернализма. Среди многих интеллектуалов того времени возникла проблема защиты либеральных ценностей индивидуализма от набирающей популярность отвержения либеральных принципов в пользу фантазматического единства общества. Успех авторитарных и тоталитарных партий на выборах показывал, что сам принцип конкуренции, применяемый к политической сфере, не всегда гарантирует приемлемый исход. В попытке противостоять этой тенденции возникло движение ордолиберализма, в которое входили такие видные экономисты и социологи, как, например, Вальтер Ойкен, Александр Рюстов, Франц Бём. Если в классическом либерализме подразумевалось взаимодействие государства и рынка при их взаимном ограничении, то, с точки зрения ордолибералов, необходимо было перестроить это отношение, чтобы «предоставить свободу рынку как организационному и регулятивному принципу государства с самого начала его существования и до последних форм его вмешательства» [5, с. 151]. Впрочем, ордолибералы не были готовы отдать все общественные институты на откуп конкуренции и игре свободных рыночных сил. Например, Александр Рюстов сформулировал концепцию *Vitalpolitik*, которая предполагала борьбу с теми жизненными условиями, на которые обречен рабочий в капиталистической стране, через создание социальных порядков, отвечавших «сущностным атрибутам человека и нацеленных на достижение человеком счастья и благополучия» [18, р. 188]. Другой представитель ордолиберализма – Вильгельм Рёпке считал, что конкуренция «предполагает заключение в жесткие рамки, внешние по отношению к экономике, надежнейшие политические и нравственные рамки» [Цит. по: 5, с. 327].

Но кроме немецкого ордолиберализма в середине XX века возникает направление американского неолиберализма. Связующим звеном здесь служит коллоквиум Уолтера Липпмана, прошедший в 1939 году. Помимо ордолибералов мероприятие посетили Фридрих Хайек и Людвиг фон Мизес, позднее ставшие одними из основателей международного общества «Мон Пелерин» с целью продвижения идеи невмешательства в экономику, а также повлиявшие на развитие Чикагской школы экономики [Там же, с. 207], в рамках которой было сформулировано неолиберальное видение экономики и общества. Во многом именно силами представителей этой школы неолиберализм захватил господствующее положение в социальных науках.

В качестве примера неолиберального прочтения социальных отношений можно привести широко используемое в научной литературе и в публичных политических дискуссиях понятие человеческого капитала. Если в классической политэкономии рабочий был тем, кто продает свою рабочую силу капиталистам на рынке труда, то человеческий капитал подразумевает, что «рабочие становятся капиталистами... от приобретения знаний и навыков, имеющих экономическую ценность» [19, р. 3]. Ведь, в сущности, что знание, что финансовый капитал могут служить источником накопления и приобретения капитала, и поэтому между ними нет никакой разницы. Тем самым снимаются классовые противоречия и нейтрализуются любые потенциально конфликтные линии противостояния, возникающие в экономической сфере общества, поскольку все люди в той или иной степени включены в рынок через обладание капиталом.

Если в ордолиберализме еще допускалось мирное сосуществование двух систем – рынка и государства, хотя предпочтение и делалось в пользу первого, то в американской версии неолиберализма рынок должен был не просто служить моделью государству, но заменить его. Согласно Фуко, неолиберализм предполагает распространение рыночной формы «на общество в целом, на всю социальную систему, которая обычно не сводится к монетарным обменам или не санкционируется ими» [5, с. 305]. Далее Фуко выделяет два следствия, вытекающих из программы неолиберализма, которые и составляют политическую рациональность неолиберальной правительности. Во-первых, для распространения рыночной формы необходим анализ социальных отношений через призму экономики. На этом этапе появляются различные теории, описывающие общество с привлечением экономического словаря. В результате получается аналитическая экономическая сетка, которая позволяет оценить деятельность правительства по управлению населением. Возникший обширный критический инструментарий приводит ко второму следствию, а именно предполагает дальнейшее переустройство власти для достижения наибольшей эффективности управления. Здесь наглядно представлена связь власти и знания, так занимавшая мысль Фуко, где роль связующего звена играет концепт *HOMO OECONOMICUS*. В экономической теории данный концепт представляет собой теоретическую модель для описания и исследования сущностных черт человеческого поведения и предполагает «упрощенное представление о человеческой природе» [1, с. 24]. Но необходимо напомнить, что в представлении самого Фуко этот концепт не является сугубо научным инструментом, поскольку неразрывно связан с практиками власти и является моделью познания и управления человеком, или «интерфейсом правительства и индивида» [5, с. 316]. Поэтому данная теоретическая модель человека экономического понимается шире, чем в экономической науке, хотя и лишена какого-либо намёка на поиск истинной природы человека.

Важно отметить, что человеческая деятельность в различных своих проявлениях познается исключительно с экономической точки зрения, и благодаря полученным знаниям власть управляет именно экономическим человеком, что вовсе не подразумевает исчезновения другой теоретической модели человека, но лишь изгоняет такую

модель из отношений власти [Там же]. Но, как опять же подчеркивает Фуко, экономический человек в неолиберализме понимается иначе, чем в классическом либерализме [Там же, с. 285]. В случае последнего *homo oeconomicus* определяется через функцию обмена, и через обмен производится связи с другими людьми, что, в свою очередь, ведет к появлению проблематики социального. В неолиберализме атомарный *homo oeconomicus* сам себе и производитель, и потребитель, который существует скорее в среде, предлагающей ему различные варианты инвестирования или накопления своего капитала, а не в обществе. Поэтому стратегия нового *homo oeconomicus* заключается в том, чтобы в условиях конкретной среды наиболее адекватно или рационально использовать свой капитал. Но наиболее рациональное поведение в среде как минимум должно учитывать те границы, которые ставит человеку среда в его выборе вариантов поведения, то есть речь всегда идет о принятии среды, а не о ее преобразовании. Несколько заостряя эту позицию неолиберализма, Фуко пишет: «*Homo oeconomicus* – это тот, кто принимает реальность» [Там же, с. 337]. То есть экономический подход для изучения различных сфер жизни человека занимается поиском и применением наиболее эффективных стратегий изменения среды, в соответствии с которыми менялось бы и рациональное поведение человека, но оставляет без внимания попытки самого человека эту реальность изменить. В чем здесь видится проблема, так это в предполагаемом отсутствии агентности человека экономического, поэтому еще одна колкость Фуко в сторону неолиберальной правительственности звучит так: «*Homo oeconomicus* – это тот, кто в высшей степени управляем» [Там же, с. 338].

По известным причинам Фуко почти не застал периода расцвета и гегемонии неолиберальной политической рациональности. Но используя его оптику, обществоведы описывают ключевые приемы неолиберализма в современном мире. Например, Венди Браун считает таким приемом переход от политического руководства населением через институциональный механизм правительства к более гибкому руководству населением через бизнес-приемы [7, р. 123]. Примером здесь служит практика Нового государственного управления, появившаяся в середине 1980-х годов в Великобритании, которая характеризовалась внедрением в арсенал государственной политики таких техник, как стимулирование, поощрение предприимчивости, аутсорсинг и соревнование за доступ к общественным благам и услугам. На некоммерческие учреждения все чаще распространяются такие техники бизнес-контроля, как эталонное тестирование или оценка соответствия ключевым показателям эффективности, а в бизнесе – практика временных контрактов и работа через дочерние предприятия. Все это знаменует, по мысли Браун, переход в практике отношений между государством и обществом от модели правительства “government” к модели управления “governance”.

В рамках новой модели государство и общество больше не мыслятся друг другу противостоящими субъектами политики, но сливаются в единое пространство поиска взаимных выгод и эффективных управленческих решений. В такой ситуации рушится оппозиция частного – публичного, а вместе с ней и рассеивается поле политики. Все это поддерживается не только институциональными переменами в жизни общества и перераспределением полномочий, но и диссеминируется в опыте здравого смысла через культурную гегемонию. Например, известный лозунг феминисток «личное – это политическое», направленный на рассмотрение персонального опыта женщины через призму давления на нее социальных структур, с последующим вынесением этого опыта в пространство публичной дискуссии, сегодня просто не находит себе адресата. Ведь если рассматривать опыт женщины как результат ею самой предпринятых действий по увеличению своего капитала в конкретной среде, то источник ее проблем может находиться исключительно в ней самой. Лозунгом такого подхода, как предлагает Наоми Роклер, могло бы стать название вымышленной книги «Будь хранительницей своего ветра» из популярного сериала «Друзья», которая открывает трём героиням причину их бессилия в том, что мужчины крадут их внутреннюю силу. Этот эпизод ситкома, как поясняет Роклер, иллюстрирует индивидуалистский подход к проблемам женщин, поскольку сводит их к простому натуралистическому противостоянию полов. Призыв искать проблемы в самой себе служит терапевтической риторикой, направленной на замещение социологического воображения, позволяющего связывать личные проблемы с социальными структурами [17, р. 247].

В модели управления те институты, которые можно было бы назвать властными, рассеивают свою власть по локальным агентам, но парадокс заключается в том, что это приводит к «демократии без политики» [7, р. 128], поскольку рамки эффективного использования власти для этих агентов заранее определены аналитической сеткой экономики. Более того, такое делегирование полномочий на места из центра «маскирует стратификацию и неравнозначность позиций этих элементов» [Ibidem, р. 130], всегда присущую отношениям власти, и является приемом деполитизации власти центра, то есть устранения альтернативы самой себе.

Конечно, здесь нужно упомянуть само отношение Фуко к власти, которая одновременно «имманентна общественному телу», но не существует без сопротивления [3, с. 313]. Но Браун считает, что именно тематика сопротивления как коллективной демократической агентности у Фуко почти не представлена. Она предлагает вспомнить о *homo politicus*, то есть о «демотическом субъекте» [7, р. 87], который только и может придать легитимность политической власти и который не может быть сведен лишь к частным интересам. Такой субъект не заботится только о себе, о своем человеческом капитале, но мыслит свое благосостояние как коррелят общественного благосостояния. Соответственно, в условиях его снижения он ищет не личные пути его повышения, но обращается к общественному устройству, ища в нем причины своего неблагополучия.

Вместе с тем сегодня мы наблюдаем не столько замену *homo oeconomicus* на *homo politicus*, сколько их взаимную мутацию. «Великая рецессия» и последовавшая политика «жесткой экономии», приведшая к сокращению социальных гарантий, уменьшили шансы простого человека на достижение приемлемого уровня жизни через личные стратегии. В то же время традиционные коллективные стратегии достижения общественного благосостояния путем перераспределения богатства были блокированы господством атомизирующей неолиберальной правительственности. Иными словами, такие стратегии, как организация профсоюзов, забастовки, стачки, просто перестали восприниматься большей частью общества как нечто соответствующее

здравому смыслу [Ibidem, p. 212]. С другой стороны, в условиях, когда неолиберальную экономическую рациональность невозможно подвергнуть сомнению, а ее техники управления оказываются все менее эффективными, именно демотический субъект, вдохновленный правым популизмом, выходит в политической жизни общества на первый план. Правый популизм успешно смог соединить черты homo oeconomicus, оставляя ему место внутри общества, и активизировать модель homo politicus через обращение к коллективной идентичности «простого народа», выводя за границы этой идентичности иммигрантов и потакающую им глобальную либеральную элиту. Здесь сочетаются как политическая пассивность и индивидуальные стратегии достижения благосостояния, так и коллективная политическая мобилизация на противостояние исключенным из общества.

Выводы. Подводя итог, проблему неолиберального режима и зародившихся внутри него популистских движений можно сформулировать следующим образом: неолиберальная правительственность со своими технологиями управления, заточенными под рациональность homo oeconomicus, игнорировала другие теоретические модели человека, что привело к появлению запроса на публичное обращение именно к ним, и в первую очередь к политической модели человека. Этот запрос можно проиллюстрировать данными британской социологической службы [12], полученными за день до референдума, согласно которым 40% опрошенных считали, что выход Великобритании из ЕС приведет к ухудшению экономической ситуации в стране, в то время как экономических оптимистов было лишь 23%. Ключевым фактором, судя по исследованиям, стал вопрос иммиграции [9; 10]. Примечательно, что процент голосовавших за выход из ЕС был связан в первую очередь с приростом мигрантов в конкретном избирательном районе, а не с тем, как много мигрантов проживает в нем в принципе. Районы с устойчиво большим количеством населения небританского происхождения голосовали относительно проевропейски. Таким образом, запрос на подтверждение коллективной идентичности оказался сильнее запроса на экономическое благополучие, возможное в рамках неолиберальной модели правительственности, вместе с тем не затрагивая гегемонию ее практик управления обществом.

Список источников

1. Автономов В. С. Модель человека в экономической теории и других социальных науках // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. 1998. № 3. С. 24-71.
2. Дин М. Правительственность: власть и правление в современных обществах / пер. с англ. М.: Дело, 2016. 592 с.
3. Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи / пер. с фр. М.: Праксис, 2002. 384 с.
4. Фуко М. О начале герменевтики себя // Логос. 2008. № 2 (65). С. 65-95.
5. Фуко М. Рождение биополитики / пер. с фр. СПб.: Наука, 2010. 448 с.
6. Brown W. American nightmare: Neoliberalism, neoconservatism, and de-democratization // Political Theory. 2006. Vol. 34. № 6. P. 690-714.
7. Brown W. Undoing the demos: Neoliberalism's stealth revolution. Cambridge – L.: MIT Press, 2015. 296 p.
8. Crouch C. Post-democracy. Cambridge: Polity, 2004. 144 p.
9. Goodwin M., Heath O. The 2016 referendum, Brexit and the left behind: An aggregate-level analysis of the result // The Political Quarterly. 2016. Vol. 87. № 3. P. 323-332.
10. Goodwin M., Milazzo C. Taking back control? Investigating the role of immigration in the 2016 vote for Brexit // The British Journal of Politics and International Relations. 2017. Vol. 19. № 3. P. 450-464.
11. Hay C. Brexistential angst and the paradoxes of populism: On the contingency, predictability and intelligibility of seismic shifts // Political Studies. 2020. Vol. 68. № 1. P. 187-206.
12. https://d25d2506sfb94s.cloudfront.net/cumulus_uploads/document/atmwrgevuj/TimesResults_160622_EVEOF POLL.pdf (дата обращения: 20.06.2020).
13. <https://www.politico.com/story/2017/01/full-text-donald-trump-inauguration-speech-transcript-233907> (дата обращения: 20.06.2020).
14. Lemke T. "The birth of bio-politics": Michel Foucault's lecture at the Collège de France on neo-liberal governmentality // Economy and Society. 2001. Vol. 30. № 2. P. 190-207.
15. Norris P. Democratic deficit: Critical citizens revisited. N. Y.: Cambridge University Press, 2011. 350 p.
16. Post-political and its discontents: Spaces of depoliticisation, spectres of radical politics / ed. by J. Wilson, E. Swyngedouw. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014. 336 p.
17. Rockler N. R. "Be your own windkeeper": Friends, feminism, and rhetorical strategies of depoliticization // Women's Studies in Communication. 2006. Vol. 29. № 2. P. 244-264.
18. Rüstow A. Organic policy (vitalpolitik) versus mass regimentation // Freedom and Serfdom. Dordrecht: Springer, 1961. P. 171-190.
19. Schultz T. W. Investment in human capital // The American Economic Review. 1961. Vol. 51. № 1. P. 1-17.

Return of Homo Politicus under Neoliberal Governmentality

Zvolev Nikolai Pavlovich

Russian State University for the Humanities, Moscow
gilein@yandex.ru

The article analyzes return of populism in liberal democracies from the viewpoint of Michel Foucault's conception of neoliberal governmentality. The paper shows how neoliberalism managed to hegemonize discursive field of politics through rationalizing its power, by applying economic analysis to various forms of social relations. Such an analysis considered a human being as homo oeconomicus thus promoting appropriate social behaviour. At the same time, homo oeconomicus is not the only theoretical model. Scientific originality of the study lies in the fact that populism is considered through the prism of the governmentality conception, which allows identifying political causes for modern growth of populism. The research findings are as follows: the author shows that neoliberal governmentality, which ignored other theoretical models, unwittingly stimulated demand for these very models, first of all, the model of homo politicus, and it was satisfied by right-wing populists.

Key words and phrases: homo oeconomicus; homo politicus; M. Foucault; governmentality; neoliberalism; populism.